

Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью Часть 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества



**Виктор Меерович
ПОЛТЕРОВИЧ**

Центральный экономико-математический институт РАН
Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
e-mail: polterov@cemi.rssi.ru
ORCID: 0000-0001-6092-6823; ResearcherID: B-2258-2017

Аннотация. В первой части работы было показано, что группа из семи европейских стран, лидирующих по индексу удовлетворенности жизнью (индексу счастья), существенно опередила другие государства Запада, включая Соединенные Штаты, в развитии экономических и политических институтов. В состав Семерки входят Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Исландия, Швейцария и Нидерланды. Во второй части рассматривается вопрос о том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают лидерство. Отмечается несостоятельность попыток объяснить этот феномен невысокой численностью и однородностью населения, равно как и малой площадью стран Семерки. Вводится понятие коллаборативных преимуществ, под которыми понимаются относительно более развитые механизмы сотрудничества в экономической, социальной и политической сферах. Опираясь на три разные классификации типов капитализма и на анализ истории стран Семерки, мы показываем, что они вышли на лидирующие позиции благодаря коллаборативным преимуществам. Эти страны относятся к скоординированным рыночным экономикам, их экономические системы характеризуются как капитализм стейкхолдеров, а политические являются консенсусными демократиями. Семерка европейских лидеров проводит реформы, направленные на совершенствование механизмов сотрудничества и, как следствие, в меньшей мере затронута кризисом конкурентных институтов, наблюдающимся в западных обществах. Представленные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы о том, что усиление роли механизмов сотрудничества при

Для цитирования: Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

For citation: Polterovich V.M. (2022). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 42–57. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2

снижении значимости конкурентных механизмов способствует повышению удовлетворенности жизнью. Опыт Семерки учитывается и другими развитыми странами Европы. Обсуждается вопрос о том, каким образом полученные выводы могут быть использованы при выборе стратегии догоняющего развития.

Ключевые слова: скоординированные рыночные экономики, капитализм стейкхолдеров, консенсусные демократии, сотрудничество, нордизация, реформы, догоняющее развитие.

Введение

В первой части работы было показано, что по значениям важнейших социально-экономических индикаторов семерка европейских стран, включающая Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию, Исландию, Швейцарию и Нидерланды, существенно опередила другие государства Запада, включая США. Возникает вопрос о том, какие качественные особенности социально-экономических и политических механизмов обеспечивают такой успех. Этот вопрос является основным предметом изучения во второй части работы.

Для ответа на него ниже рассматриваются три известные классификации современных западных систем: либеральные и скоординированные рыночные экономики, капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров, мажоритарные и консенсусные демократии. В каждой паре первый тип почти исключительно опирается на конкурентные механизмы, а второй – в значительной мере на механизмы сотрудничества. Оказывается, что во всех случаях страны Семерки (если они учитывались при классификации) отнесены ко второй группе. Это наблюдение позволит нам заключить, что в основе лидерства Семерки лежат преимущества, которые, в отличие от конкурентных преимуществ, предлагается называть коллаборативными; они состоят в более развитых механизмах сотрудничества в экономической, социальной или политической сферах. Близкий, но более узкий по содержанию термин «кооперативные преимущества» использовался в ряде работ (Lei et al., 1997; Strand, Freeman, 2015). Будут рассмотрены исторические корни коллаборативных преимуществ и показано, что процесс их наращивания происходит и в ряде других стран, в том числе европейских. Кроме того, мы обсудим вопрос, как полученные результаты могут быть учтены при разработке стратегий развития догоняющих экономик.

Простые, но неверные объяснения¹

Иногда лидерство Семерки пытаются объяснить невысокой численностью населения и малой площадью входящих в нее стран. Действительно, эти факторы обеспечивают относительную простоту координации усилий и низкие транспортные издержки. Но есть и контраргументы: для небольших стран характерны узкая ресурсная база, недостаточный размер внутреннего рынка и, как следствие, отсутствие экономии на масштабе, вынужденная узкая специализация и большая волатильность бизнес-цикла.

Следует отметить, однако, что члены Семерки отнюдь не антирекордсмены ни по численности населения, ни по площади. В списке из 246 стран Нидерланды по численности населения занимают 70-е место, Швеция – 90-е и даже самая малонаселенная из семерки Исландия – 184-е место². В Европе среди 50 стран Нидерланды являются 12-й по численности, а Швеция – 17-й³.

По площади в списке из 193 стран Швеция, Норвегия и Финляндия стоят, соответственно, на 54-м, 60-м и 64-м местах, в то время как Великобритания находится на 77-м месте. Швейцария, страна с наименьшей площадью в Семерке, занимает 132-е место, выше Бельгии и Словении⁴.

¹ В этом разделе воспроизводится и несколько уточняется аргументация, приведенная в (Martela et al., 2020).

² См. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2_%D0%B8_%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%B8%D0%BC%D1%8B%D1%85_%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E

³ См. <http://www.statdata.ru/europe-capitals-population>

⁴ См. http://ostranah.ru/_lists/area.php

Согласно расчетам (Rose, 2006) численность населения не влияет на экономическое развитие. Правда, в (Alouini, Hubert, 2012) обнаружена отрицательная связь между темпом роста ВВП и размером страны, который исчисляется как комбинация численности населения, уровня ВВП и площади пахотных земель. Однако для государств еврозоны эта связь оказывается положительной и значимой. Таким образом, «малость» стран Семерки не является удовлетворительным объяснением их лидерства в социально-экономическом развитии.

Не имеет также оснований ссылка на однородность населения стран Семерки. Так, 19% населения Швеции родились в других странах. В 10 «наиболее счастливых» государствах соответствующая доля населения составляет 17,2%, вдвое выше мирового среднего (Martela et al., 2020, p. 132). Правда, в прошлом нордические страны были относительно однородны. А вот Швейцария – пример страны, с момента формирования включавшей разные национальности, говорившие на разных языках.

В заключение этого раздела рассмотрим еще одно возражение. Принято считать, что в нордических странах очень высок показатель числа самоубийств на 100 тыс. человек населения. Не противоречит ли это утверждению, что их граждане чувствуют себя самыми счастливыми?

По данным 2021 года в списке из 180 государств страны Семерки расположились следующим образом: Финляндия – 25-е место, Швеция – 30-е, Швейцария – 32-е, Исландия – 44-е, Норвегия – 45-е, Нидерланды – 46-е, Дания – 56-е (чем больше ранг, тем меньше самоубийств). Для сравнения: США занимают 24-е место, Бельгия – 17-е, Словения – 16-е⁵. Члены Семерки не лидируют в этом отношении, хотя уровень самоубийств в них действительно значителен.

В (Daly et al., 2011) в результате эконометрического расчета обнаружено, что в «счастливых регионах» число самоубийств выше.

Этот «мрачный контраст» (dark contrast) подтверждается данными о европейских странах и штатах США. Объяснение состоит в том, что люди легче переносят невзгоды, видя, что и другим столь же тяжело, и скорее приходят в отчаяние, наблюдая, что другие счастливы. Впрочем, в статье (Pendergast et al., 2019) утверждается, что для штатов США значимая связь между индексами счастья и долей самоубийств отсутствует.

Отметим, что число намеренных убийств на 100 тыс. человек населения в США в 4,5–10,5 раза выше, чем в странах Семерки, которые, впрочем (за исключением Швейцарии и Норвегии), по этому показателю проигрывают Италии, Австрии, Испании⁶.

Данные таблицы 1 из первой части работы (Полтерович, 2022) указывают на важные черты гражданской культуры стран Семерки: относительно низкий уровень коррупции, более высокие уровни доверия граждан друг к другу и к правительству. Эти страны наращивали конкурентоспособность (Полтерович, 2022, табл. 3) и догоняли США по уровню душевого ВВП. Возникает вопрос: за счет каких особенностей экономического и политического механизмов они смогли стать лидерами?

Чтобы ответить на него, в двух последующих разделах я обращаюсь к трем известным классификациям современных западных систем. Согласно первой из них следует различать либеральные рыночные экономики и скоординированные рыночные экономики (Hall, Soskice, 2001), вторая проводит различие между капитализмом акционеров и капитализмом стейкхолдеров (Strand, Freeman, 2015), а третья выделяет два типа демократии: мажоритарную и консенсусную (Lijphart, 2012). Будет показано, что США существенно отличаются от Семерки по структуре механизмов координации экономических и политических взаимодействий, что, видимо, и объясняет отставание США, фиксируемое многочисленными индикаторами.

⁵ См. <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/suicide-rate-by-country>

⁶ См. <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/VC.IHR.PSRC.P5/rankings>

Координация экономического поведения и капитализм стейкхолдеров

В работе (Hall, Soskice, 2001) предложено различать два типа капиталистических систем в зависимости от характера взаимодействий между агентами: либеральные рыночные экономики (LME) и скоординированные рыночные экономики (CME)⁷. В экономиках первого типа фирмы взаимодействуют главным образом на основе краткосрочных контрактов, ориентируясь на рыночные цены и другие рыночные сигналы. В CME фирмы координируют свою деятельность друг с другом, с ассоциациями бизнеса, с профсоюзами и банками на основе стратегического взаимодействия, включающего обмен информацией и переговоры. США являются типичным представителем LME, к которым также относятся Великобритания, Канада, Австралия. К CME принадлежат все семь европейских лидеров и ряд других государств, в частности Германия, Австрия, Бельгия (Hall, Gingerich, 2009, pp. 452–453; Hall, Soskice, 2001, p. 20). В этих странах механизмы сотрудничества играют более значительную роль (Hall, Soskice, 2001, p. 8), смягчая конкуренцию и уменьшая издержки государственного управления.

В работе (Iqbal, Todi, 2015) отмечены три основные черты нордических стран, отличающие их от «стандартного капитализма»: высокий уровень налогов, более высокий уровень раз-

вития государства всеобщего благосостояния (здравоохранение, образование, пособия по безработице) и более значимая роль профсоюзов. Не случайно в странах Семерки выше доля работников, являющихся членами профсоюзов (*таблица*).

Авторы концепции скоординированной рыночной экономики сознательно уклоняются от рассмотрения координирующей роли государства. Необходимо подчеркнуть, однако, что в странах Семерки оно традиционно поощряет координацию частных агентов и благодаря квалифицированному управлению способствует экономическому росту. Авторы статьи (Jäntti et al., 2006), описывая его роль в формировании финского экономического чуда, указывают, что быстрый рост финской экономики в 1950–1970 гг. был достигнут благодаря «прямо-му вмешательству» государства, обеспечившему высокий темп роста инвестиций в ключевые отрасли промышленности и низкий процент за кредит. На начальных этапах государство создавало и поддерживало крупные компании и использовало производственные экстерналии. Например, развивая деревообработку, оно расширяло спрос на продукцию металлургии, что в свою очередь создавало условия для развития электроники. В металлургии, электроэнергетике, производстве химических удобрений были созданы государственные предприятия (Jäntti et al., pp. 13, 15, 16).

Доля членов профсоюзов среди занятых (trade union density), %

Страна	Доля членов профсоюзов
Исландия	91,8
Дания	66,5
Швеция	65,6
Финляндия	60,3
Норвегия	49,2
Нидерланды	16,4
Швейцария	14,9
США	10,1
Франция	8,8

Источник: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TUD>
 Данные за 2018 г., для Швеции и Швейцарии – за 2017 г.

⁷ Термин «coordinated market economy» иногда переводят как «координируемая рыночная экономика». Отметим также, что это понятие имеет много общего с концепцией корпоративизма.

Другим характерным примером является быстрое развитие экономики Норвегии после обнаружения нефтяных месторождений в конце 1960-х годов. Их разработкой занималась компания Статойл (Stateoil), оставшаяся полностью государственной в течение почти трех десятилетий. Первоначально добыча нефти осуществлялась с помощью английских и американских нефтяных платформ. Но постепенно благодаря поддержке государства и при участии Статойл были созданы норвежские предприятия, производящие платформы, а необходимость их оснащения послужила стимулом для развития электронной промышленности в Норвегии (Ryggvik, 2015). Эффективно осваивая природные богатства, Норвегия обогнала США по душевому ВВП.

Задолго до появления статьи (Hall, Soskice, 2001), где было предложено различать либеральные и скоординированные рыночные экономики, была разработана во многом близкая по идее типология западных систем: капитализм акционеров и капитализм стейкхолдеров. Она возникла в результате рассмотрения вопроса о целевых установках фирмы. Согласно постулату, широко используемому в неоклассической теории, фирма, ориентируясь на своих акционеров, максимизирует дисконтированный поток прибыли⁸. Это предположение неоднократно подвергалось критике. Согласно альтернативной концепции, стратегия фирмы должна учитывать интересы не только своих акционеров, но и всех остальных стейкхолдеров, т. е. агентов, так или иначе связанных с деятельностью фирмы: ее клиентов, поставщиков, кредиторов, сотрудников и т. п. (Strand, Freeman, 2015). Более того, бизнес должен быть социально ответственным, т. е. вносить вклад в решение общественных задач, в частности заботиться о состоянии окружающей среды.

Как отмечается в (Strand, Freeman, 2015), понятие стейкхолдера было независимо введено в меморандуме сотрудников Стэнфордского исследовательского института в 1963 году и в книге шведского экономиста Эрика Ренмана (Eric Rhenman), вышедшей годом позже. При этом в США и в большинстве западных стран в

течение многих лет продолжала господствовать неоклассическая теория. Менеджеры, обученные ее приверженцами, действуют по стандартам капитализма акционеров, очень медленно трансформирующегося в капитализм стейкхолдеров. Одним из главных признаков такой трансформации является все чаще наблюдаемая кооперация между, казалось бы, конкурирующими компаниями⁹.

Между тем Ренман и его последователи создали школу исследователей и преподавателей, которая способствовала гораздо более быстрому формированию капитализма стейкхолдеров в нордических и некоторых других европейских странах. В рамках этой системы успех компании определяется не столько ее конкурентными преимуществами, как при капитализме акционеров, сколько кооперативными преимуществами, т. е. особым умением менеджеров корпорации сотрудничать со всеми стейкхолдерами, включая потенциальных конкурентов, и формировать на основе этого сотрудничества наиболее эффективные стратегии (Strand, Freeman, 2015). В отличие от конкуренции, нередко оказывающейся игрой с нулевой суммой, кооперация предполагает выработку решений, выгодных всем участникам.

Важнейшими чертами капитализма стейкхолдеров называют корпоративную социальную ответственность (corporate social responsibility, CSR) и долговременную устойчивость (sustainability). Термин «sustainability» означает «развитие, которое удовлетворяет текущие потребности, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». Под социальной ответственностью корпораций имеют в виду «ответственность предприятий за их воздействие на общество» (Strand et al., 2015, p. 2). В цитируемой работе оба термина рассматриваются как эквивалентные, однако, на наш взгляд, второй можно считать более общим.

Для сопоставления стран по CSR в (Gjølberg, 2009) предложен индекс, агрегирующий данные о предприятиях страны. По результатам расчетов, проведенных для 20 развитых стран, первые шесть мест по этому индексу заняли

⁸ Иногда говорят о близком по содержанию критерию — максимизации стоимости акций корпорации (Brandt, Georgiou, 2016).

⁹ Этот тип взаимодействия стал предметом изучения в теории кооперации, разработанной в середине 1990-х гг. (Brandenburger, Nalebuff, 1996).

страны Семерки (Исландия не рассматривалась), в то время как США оказались на 20-м месте. В статье (Skouloudis et al., 2016) индекс был усовершенствован и рассчитан для 86 стран. На этот раз шесть стран Семерки заняли места от 1-го до 4-го, 6-е и 7-е. Исландия оказалась на 54-м месте, а США снова на 20-м. Близкие результаты были получены при дальнейшем усовершенствовании методики расчета индекса (Amor-Esteban et al., 2019). В этой работе он назван национальным практическим индексом корпоративной социальной ответственности (NCSRPI) и рассчитан для 29 стран, как развитых, так и «догоняющих», среди которых не было Исландии. Остальные шесть стран Семерки заняли шесть первых мест, а США только шестнадцатое, пропустив вперед Испанию, Францию, Италию, Германию¹⁰.

Высокая социальная ответственность бизнеса, свидетельствующая о высоком уровне корпоративной культуры, – важная составная часть его кооперативных преимуществ. В определенной мере индексы CSR могут служить мерой преимущества корпораций той или иной страны. Необходимо отметить, однако, что способность к сотрудничеству не может ограничиться лишь кругом менеджеров фирм. Она неизбежно должна проявиться в поведении политиков и государственных чиновников, а также в конструкции экономических и политических механизмов. Не случайно страны Семерки, занимающие, как было показано, самые высокие места по CSR, относятся к скоординированным рыночным экономикам. В связи с этим целесообразно ввести понятие кооперативных преимуществ.

Будем говорить, что страна А обладает кооперативными преимуществами перед страной В, если в А более развиты механизмы сотрудничества в экономической, социальной или политической сфере. Это определение согласуется с теорией (Полтерович, 2015; Полтерович, 2018), согласно которой в процессе развития роль механизмов сотрудничества растет за счет снижения значимости механизмов конкуренции и власти.

¹⁰ Информация для расчета была получена из базы данных Ethical Investment Research Services (EIRIS). На основе собственных исследований EIRIS предоставляет инвесторам информацию о социальной, экологической и этической политике и практике предприятий.

Ниже будет показано, как кооперативные преимущества проявляются в конструкции политических механизмов.

Консенсусные политические институты

Важнейшая особенность гражданской культуры стран Семерки отчетливо проявляется в структуре их политических механизмов. Чтобы убедиться в этом, обратимся к классификации Лейпхарта (Lijphart, 2012), который различает мажоритарные и консенсусные демократии. Для того чтобы охарактеризовать различия между ними, Лейпхарт формирует два индекса. Первый (ИП) отражает отношения между исполнительной властью и политическими партиями (executives-parties dimension), а второй (ЦР) – отношения между центральной властью и региональными администрациями (federal-unitary dimension). Каждый из индексов является агрегатом пяти показателей. Индекс ИП позволяет четко разделить демократии на две группы – мажоритарные и консенсусные.

Мажоритарная демократия характеризуется доминированием двух партий в парламенте и формированием однопартийных правительств, превосходством исполнительной власти над законодательной, всеобщей конкуренцией групп интересов.

В консенсусных демократиях обычно действует тот или иной вариант пропорционального представительства, парламент и правительство включают представителей многих партий, имеет место баланс исполнительной и законодательной власти, действует корпоративистская система отношений между группами интересов, нацеленная на отыскание компромисса и согласование действий. Лейпхарт показывает, что приближение к консенсусной демократии за счет индекса ИП положительно влияет на эффективность правительства, уровни коррупции, законности, преступности, риск конфликтов. Изменение второго индекса не дает однозначных результатов. По значениям первого индекса все семь европейских лидеров относятся к консенсусным демократиям, к ним примыкают Австрия и Германия. Великобритания и США оказываются в группе мажоритарных демократий.

Лейпхарт писал: «... мажоритарная модель демократии является дискриминирующей, конкурентной и конфронтационной, в то время как

для консенсусной модели характерны отсутствие дискриминации, переговоры и поиск компромисса» (Lijphart, 2012, p. 2).

Высокий уровень коллаборативности – историческое наследие

Пытаясь объяснить особенности гражданской культуры нордических стран, ряд авторов обращаются к их истории, отмечая, что они перешли к капитализму, минуя стадию феодализма, поэтому им удалось избежать периодов ожесточенной классовой борьбы; противоречия между элитой и массами разрешались благодаря формированию институтов, обеспечивавших отыскание компромиссных решений (Rothstein, Uslander, 2005; Pratt, 2008; Martela et al., 2020; Sunde, 2021). В качестве важнейшей причины столь необычного пути развития указывается географический фактор. Большая часть территории нордических стран была покрыта лесами, местность была гористой, а береговая линия извилистой. Население занималось охотой и сельским хозяйством на не слишком плодородных землях. В стороне от торговых путей и при отсутствии крупных месторождений полезных ископаемых урбанизация шла крайне медленно. Жизнь разбросанных по территории поселений управляли народные собрания. Самоуправляемые общины сопротивлялись присвоению их земли представителями элиты. Правительствам оказалось проще непосредственно взаимодействовать с организованным крестьянством, в том числе и при сборе налогов, нежели передавать земли во владение приближенным. Представители знатных семей занимали административные посты (Rothstein, Uslander, 2005, p. 57; Sunde, 2021, pp. 56–57).

Результатом сложившейся институциональной структуры стал высокий уровень доверия граждан друг другу и государству. Сотрудничество облегчалось благодаря низкому неравенству, которое поддерживалось социальными нормами. Так, в Швеции осуждались попытки выделиться из общей массы (Pratt, 2008, p. 125).

Становление государства всеобщего благосостояния началось в большинстве стран Европы после Второй мировой войны. В нордических странах (за исключением Финляндии) это произошло значительно раньше. Уже в 1928 году премьер-министр Швеции Албин Ханссон определил свою страну как «шведский на-

родный дом», основанный на общности культуры и чувств, где нет привилегированных или недооцененных, где никто не пытается получить преимущество за счет других (Pratt, 2008, p. 127).

Обратимся теперь к историческим корням коллаборативной культуры Швейцарии и Нидерландов.

Швейцария как государство представляет собой уникальное явление. Республика сформировалась, несмотря на радикальные языковые и культурные различия ее составных частей-кантонов. Стремясь объяснить этот феномен, авторы (Linder, Mueller, 2021) в качестве факторов, способствовавших объединению, указывают экономические связи между кантонами и необходимость защиты от посягательств крупных держав.

Малочисленным кантонам не хватало ресурсов для создания полноценных государств. Общественные работы, такие как строительство дорог, «выполнялись на общинной основе: каждый взрослый мужчина был обязан работать несколько дней или недель в году на общее благо... Земледельцы и ремесленники объединялись в ассоциации для коллективного принятия решений. Это способствовало развитию культуры сотрудничества» (Linder, Mueller, 2021, p. 27).

Предотвратить внешнее вмешательство Швейцарии удалось благодаря политике нейтралитета, который оказался выгодным ее соседям – Франции, Германии и Италии. Ощущение единства постепенно укреплялось благодаря формирующимся традициям. Так, с 1981 года швейцарцы отмечают заключение союза между тремя локальными лидерами, датированного 1291 годом (Linder, Mueller, p. 28).

В настоящее время Швейцария состоит из 26 кантонов, где доминируют разные языки и конфессии. Трудности, связанные с неоднородностью, удалось преодолеть путем создания нестандартной организационной структуры государства, основанного на принципах консенсусной демократии и на предоставлении широкой автономии кантонам. Отметим три особенности швейцарской системы принятия решений. Во-первых, в ней существенную роль играют референдумы, которые могут проводиться как в силу требований закона, так и по

инициативе снизу. Во-вторых, на референдумах по поправкам к конституции действует правило «двойного большинства». Это означает, что для принятия решения требуется, чтобы его поддержало не только большинство всех проголосовавших, но также и большинство проголосовавших в большинстве швейцарских кантонов. Тем самым исключается ситуация, когда решение принимается в пользу нескольких больших кантонов. В-третьих, в Швейцарии смена президента (он же глава правительства) происходит каждый год. Он избирается высшим законодательным органом Швейцарии, Федеральным собранием, из числа членов избранного Федеральным собранием правительства – Федерального совета. В состав правительства входят два представителя каждой из трех партий, набравших наибольшее число голосов на парламентских выборах, и один представитель партии, занявшей четвертое место. Каждый из семи членов правительства – руководит одним из семи министерств. Президент – глава правительства выполняет координационные и представительские функции. Его сменяемость и организация обсуждений способствуют принятию решений, близких к консенсусу¹¹.

Опыт Швейцарии показывает, что эффективное согласование интересов возможно даже в обществах, характеризующихся высокой степенью языковой и конфессиональной дифференциации.

В Нидерландах, как и в нордических странах, географический фактор повлиял на развитие гражданской культуры. Более 55% голландской территории подвержено наводнениям, и для их предотвращения требовалось регулярное строительство дамб и защитных сооружений. В средние века соответствующие работы велись самими жителями прибрежных районов, а координацию осуществляли специальные водные управы. Но по мере совершенствования технологий и развития рынка эти управы стали переходить на наем сторонних работников, оплачиваемых за счет налогов, взимаемых с владельцев прибрежных участков. При этом финансирование работ зависело от состояния экономики.

¹¹ Отметим, что описанная система принятия решений близка к двухуровневой коллаборативной иерархии, см. (Полтерович, 2021b).

При увеличении цен на рабочую силу или при ухудшении экономических условий (в том числе вследствие военных столкновений) собираемых налогов оказывалось недостаточно. Это периодически приводило к серьезным потерям (Soens, 2013; Avoyan, Meijerink, 2021). Ситуация резко изменилась после катастрофического наводнения 1953 года, унесшего жизни более 1800 граждан. Был разработан план «Дельта» строительства и укрепления дамб, заградений и шлюзов. Первоначально для его реализации была создана централизованная система управления. Однако со временем роль правительства снижалась. Современная система предусматривает взаимодействие правительства страны, провинций, муниципалитетов и региональных органов управления водными ресурсами, а также их сотрудничество с другими государственными органами, частными структурами, организациями гражданского общества. Она во многом строится на принципах коллаборативного управления (Avoyan, Meijerink, 2021).

Необходимость борьбы с наводнениями – лишь один из факторов, обусловивших становление Нидерландов в качестве члена Семерки. Было бы важно исследовать причины, в силу которых Нидерланды раньше других европейских государств стали на путь капиталистического развития. Возникшая в 1581 году в результате Нидерландской революции Республика Соединенных провинций (Голландская республика) «была необычным явлением среди более или менее абсолютистских монархий того периода. Республика была децентрализованная, коммерчески ориентированная лига городов и провинций, без главы государства, без правящей аристократии, без государственной бюрократии, ...без сколько-нибудь значимого дворянства» (Aerts, 2010, p. 213).

В течение последующих столетий в нидерландских городах активно формировалось гражданское общество, действовали районные ассоциации жителей, обеспечивавшие взаимопомощь и безопасность, многочисленные клубы, объединения по интересам.

Первая конституция Нидерландов была принята в 1814 году. Конституция 1848 года, действовавшая 135 лет, превратила Нидерланды в одну из первых в Европе конституционных монархий с парламентской демократией.

В результате выборов 2021 года во вторую палату парламента вошли представители 17 партий. В течение многих десятилетий ни одной партии не удается добиться абсолютного большинства, так что действуют коалиционные правительства. И парламент, и правительство страны активно взаимодействуют с организациями гражданского общества, в том числе ассоциациями бизнеса и профсоюзами.

Таким образом, коллаборативные преимущества стран Семерки имеют исторические корни. Они обусловлены, по крайней мере отчасти, специфическими историческими и географическими факторами. Следует, однако, подчеркнуть, что отсутствие подобных условий не является абсолютным препятствием для других стран следовать примеру лидеров. В целом ряде работ подчеркивается, что скандинавские страны, несмотря на их относительно небольшие размеры, оказывают существенное влияние на политику европейских государств (см. анализ и ссылки в (Long, 2017)). В (Elgström, Delputte, 2016, p. 10) отмечается, что «скандинавские страны, или некоторые из них, действовали как создатели (entrepreneurs) норм в ЕС, изменяя приоритеты, позиции и, возможно, даже ценности стран-членов ЕС».

Исследование законодательства десяти европейских государств, из которых только три принадлежат Семерке, показало, что системы действующих в них правил стимулируют формирование отношений сотрудничества между органами власти, организациями гражданского общества и бизнеса (Batory, Svensson, 2020).

Борьба с кризисом: совершенствование механизмов сотрудничества

Как уже отмечалось, в настоящее время западные политические системы охвачены глубоким кризисом (см. анализ и ссылки в статье (Полтерович, 2021a)). Мы наблюдаем рост протестных настроений и активизацию популистских деструктивных движений при одновременном снижении уровней доверия граждан к правительствам и участия в выборах. Деградирующая политическая элита нередко демонстрирует неспособность отыскания эффективных компромиссных решений, а в центре политических дебатов все чаще оказываются не программы развития, а диффамация конкурентов. Политический кризис непосредственно связан с кризисом государства всеобщего

благополучия, оказавшегося неспособным предотвратить рост неравенства.

Благодаря особенностям гражданской культуры, экономических и политических механизмов страны Семерки оказались в большей мере, нежели другие государства Запада, готовыми к преодолению кризиса.

Согласно (Aerts, 2010), граждане Нидерландов высоко ценят демократию, но лишь отчасти ассоциируют ее с политикой. По их мнению, «такие демократические достижения, как равенство, свобода слова, самореализация и процветание заложены в обществе и культуре». Более того, автор утверждает, что они «не любят политику» (Aerts, 2010, p. 236), и рассматривает наблюдаемое противопоставление демократии и гражданского общества как парадокс (что и отражено в названии статьи). На наш взгляд, здесь нет ничего парадоксального. Развитое гражданское общество основано на сотрудничестве, а современная демократия, даже консенсусная, в той или иной мере опирается на конкурентные механизмы, испытывающие кризис.

Наблюдение Аертса, касающееся Нидерландов, перекликается с выводами статьи (Kübler et al., 2020), посвященной внедрению партисипативного управления в регионах Швейцарии. Партисипативное управление предполагает вовлечение групп граждан, включая представителей бизнеса, в процесс принятия решений, касающийся, в частности, пространственного планирования, охраны окружающей среды, проблем молодежи, а также выработки общей стратегии развития. Авторы обнаруживают, что подобные реформы идут наиболее интенсивно в муниципалитетах, характеризующихся острыми противоречиями между политическими партиями и более низким уровнем политической децентрализации: в них законодательным органом является парламент, а не народное собрание, включающее всех граждан¹².

Можно предположить, что аналогичное отношение — массовое предпочтение сотрудничества конкуренции — характерно и для других стран Семерки и что именно оно является важнейшим фактором, позволяющим преодолевать кризис.

¹² В швейцарских муниципалитетах действует либо парламентская, либо прямая демократия (Ladner, 2005, p. 103).

В Дании, Исландии и Швеции сохраняется очень высокий уровень участия в выборах — 85–90%. В Норвегии и Финляндии имеет место относительно небольшое снижение — до 80 и 70% соответственно (Normann, Karlsen, 2021). В Нидерландах в выборах в Палату представителей 2021 года участвовала значительная доля (78,7%) избирателей. Исключением является Швейцария, где в выборах в Национальный совет в 2019 году приняли участие всего 45,1% избирателей, что близко к американскому уровню. Тем не менее Швейцария занимает первое место по уровню доверия правительству среди развитых стран (см. табл. 1 первой части работы). Возможно, относительно низкое участие швейцарцев в выборах обусловлено тем, что в этой стране наиболее важные проблемы выносятся на референдумы, число которых в последнее время возросло. Так, в 2020 году были организованы всенародные голосования по 9 вопросам, уровень участия в среднем составил 52,6%; для 8 референдумов 2021 года он несколько вырос, составив 56,5%¹³.

Пострадав от кризиса менее других, страны Семерки прилагают максимум усилий для его преодоления.

В 1980-х и 1990-х гг. экономическая политика стран Запада базировалась на идеологии *laissez-faire*, согласно которой для обеспечения быстрого экономического роста необходимо развивать конкуренцию и минимизировать вмешательство государства в экономику. Разумеется, подобное вмешательство никогда не прекращалось на практике, но в стратегических документах тема промышленной политики почти не затрагивалась, несмотря на исследования ряда экономистов, демонстрировавших, что от этого инструмента не следует отказываться.

В русле идеологии минимального государства находилась и концепция нового государственного управления (НГосУ; *New Public Management*), зародившаяся в Великобритании (McLaughlin et al., 2002). Она стала основой административных реформ, проводившихся во многих странах. Согласно этой концепции, административная система должна руководство-

ваться теми же принципами, что и частный сектор. Вместо жесткой иерархической организации предлагалось создать систему агентств с непересекающимися полномочиями для оказания услуг населению. Эффективность агентств должна была регулярно оцениваться путем сопоставления затрат и результатов. Был взят курс на приватизацию государственной собственности, возможности политики стимулирования экономического роста оказывались весьма ограниченными. Однако к середине 2000-х гг. стало появляться все больше свидетельств того, что рецепты НГосУ не приводят к желаемому результату. Возникла концепция пост-нового государственного управления (*Post-New Public Management*), сделавшая акцент на вертикальное и горизонтальное сотрудничество государственных агентств и других организаций друг с другом и на вовлечение потребителей услуг в процесс принятия решений (Klenk, Reiter, 2019).

Ее продвижению и смене доминировавшей идеологии значительно способствовал кризис 2007–2008 гг. В 2010 году Европейская комиссия опубликовала обращение к Европарламенту и другим высшим органам Европейского союза, посвященное новой промышленной политике в эпоху глобализации. В нем были сформулированы два основополагающих принципа такой политики: необходимость скоординированных мер по развитию всех секторов народного хозяйства при индивидуальном подходе к каждому из них и формирование цепочек добавленной стоимости от производства энергии и сырья до вторичной переработки и обслуживания торговых связей¹⁴.

В последние 15 лет Европейская комиссия, высший орган исполнительной власти Европейского союза, обращает особое внимание на совершенствование государственного управления стран — членов ЕС. Для достижения указанной цели Европейский социальный фонд

¹³ См. <https://www.bfs.admin.ch/bfs/en/home/statistics/politics/popular-votes.html>

¹⁴ An Integrated Industrial Policy for the Globalization Era. Putting Competitiveness and Sustainability at Centre Stage. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. European Commission, Brussels, October 28, 2010. P. 4. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0614:FIN:EN:PDF>

(ESF), Европейский фонд регионального развития (ERDF) и Европейские структурные и инвестиционные фонды (ESIF) выделили значительные средства. Еврокомиссия синхронизировала эти усилия и инициировала проект EUPACK¹⁵ для изучения результатов реформ (Thijs et al., 2018, p. 3).

В рамках названного проекта оценивалось качество государственного управления 28 стран – членом ЕС по 23 показателям. Информация была получена из официальных источников и опросов чиновников. Четыре страны из Семерки – Дания, Финляндия, Нидерланды и Швеция, являющиеся членами ЕС, оказались лидерами по качеству управления. Из сводной таблицы результатов (Thijs et al., 2018, pp. 78–79) следует, что Дания заняла одно из пяти первых мест по 20 показателям из 23, Финляндия, Швеция и Нидерланды – по 19, 15 и 12 показателям соответственно. Наиболее близки к ним Великобритания и Люксембург, для которых этот индикатор равен 10, за ними следует Эстония, набравшая 6 очков. Особо отметим показатель «социетальная консультация» (societal consultation), получаемый на основе ответов респондентов на вопрос «Консультируется ли правительство с экономическими и социальными акторами, разрабатывая свою политику?». По этому показателю Дания, Финляндия и Нидерланды разделили 1–3 места, а Швеция заняла 4-е место.

Коллаборативные преимущества в догоняющем развитии

Институты, гражданская культура и уровень благосостояния тесно связаны друг с другом. Именно поэтому современным развитым странам потребовалось пройти столь длительный и сложный путь, чтобы выйти на нынешний уровень. Существенно ускорить процесс догоняющего развития, совершить экономическое чудо за последние 75 лет удалось лишь немногим государствам, и практически все они использовали похожие стратегии. На начальном этапе экономического спурта они создавали систему институтов догоняющего развития, способную запустить и некоторое время поддерживать быстрый экономический рост при низком уровне гражданской культуры и неэффектив-

ном рынке. Эта система основывалась на принципах корпоративизма в сферах политического и экономического управления и включала генеральное агентство развития, стоявшее над министерствами, индикативное планирование, национальную инновационную систему, нацеленную на заимствование технологий с постепенным переходом на догоняющее развитие. Инициатором выступало государство, которое сумело преодолеть соблазн силового навязывания своей политики и не только стремилось привлечь частный сектор к сотрудничеству с государственными органами, но и поддерживало сотрудничество между частными фирмами (Полтерович, 2016).

Интересно сопоставить политику экономического развития стран Европы и стран экономического чуда. Корпоративизм характерен в обоих случаях. При этом для стран Семерки он носит органический характер. Система индикативного планирования в странах экономического чуда, возглавлявшаяся генеральным агентством, способствовала сотрудничеству между государством, бизнесом и гражданским обществом, охватывала все народное хозяйство и обеспечивала формирование цепочек добавленной стоимости. Сходство выполняемых ею функций с рекомендациями Европейской комиссии несомненно, хотя европейские страны могут в большей мере полагаться на культуру сотрудничества и в состоянии намечать и реализовывать планы более экономными средствами, опираясь на современные системы обмена информацией и технику моделирования. Можно утверждать, что в основе успеха стран экономического чуда лежат их коллаборативные преимущества.

Совершив «рывок», эти страны заимствовали конкурентные экономические и политические механизмы, присоединяясь к пулу развитых стран и тем самым оказываясь через некоторое время подверженными кризису. Важный вопрос состоит в том, нельзя ли избежать этапа доминирования таких механизмов или, по крайней мере, существенно сократить его¹⁶. В связи с этим особый интерес

¹⁵ European Public Administration Country Knowledge.

¹⁶ В связи с этим отметим работу (Суслов, Басарева, 2020), посвященную анализу экономической политики Швеции, Норвегии и Финляндии и возможности применения их опыта для Сибири.

представляет опыт Словении. В статье (Bohle, Greskovits, 2007) подчеркивается характерная для Словении социальная сплоченность и отмечается, что «Словения является исключительной среди всех восточноевропейских стран в том, что она смогла провести свои преобразования, опираясь в основном на национальные институты и акторов», и сумела построить неокорпоративистский режим, типичный для небольших западноевропейских государств¹⁷ (Bohle, Greskovits, 2007, p. 106).

Отметим также, что традиция сотрудничества, значение которой подчеркивалась выше, существовала и в России, что, кстати, нашло отражение в русской философской мысли (Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017). Укрепление этой традиции в новых условиях является задачей первостепенной важности.

Заключительные замечания

В работах (Полтерович, 2015; Полтерович, 2018) было показано, что имеет место долгосрочная тенденция замещения механизмов конкуренции и власти механизмами сотрудничества. Между тем события, происходящие в последние десятилетия в ряде стран, особенно в США и Великобритании, казалось бы, ставят этот тезис под сомнение: кризис политических и экономических институтов в этих странах сопровождается обострением конкуренции. Тем не менее, как было продемонстрировано выше, есть все основания полагать, что указанная тенденция продолжится. Наиболее передовые страны Запада — Семерка европейских лидеров — указывают путь преодоления кризиса, укрепляя механизмы сотрудничества. Их пример оказывает влияние и на стратегии других передовых стран.

Проблемы, связанные с терроризмом, потоками беженцев и эпидемиями, свидетельствуют о том, что задача снижения межстранового неравенства является одной из центральных для мирового сообщества. Понимание этого еще в 1960 году привело к объединению группы развитых государств, которое в 1961 году получило название Комитет содействия развитию (Development Assistance

Committee). Страны Семерки являются его активными членами. В 2019 году среди 29 стран — членов комитета Норвегия, Швеция и Дания занимали 2–4-е места по доле ВВП, предоставляемой в качестве государственной помощи развивающимся странам, Нидерланды и Швейцария находились на 7-м и 6-м местах соответственно, а Финляндия и Исландия — на 11-м и 15-м. При этом США занимали лишь 23-е место¹⁸. В работе (Elgström, Delputte, 2016, p. 3), отмечено: «Дания, Финляндия, Норвегия и Швеция выделялись как щедрые доноры, которыми движут солидарность, альтруизм, моральные и гуманитарные соображения, а не материальные интересы». Авторы показывают, что нынешний уровень помощи развивающимся странам достигнут в значительной мере благодаря влиянию нордических стран, называя этот процесс «нордизацией» (nordicisation).

Аналогичная идея лежит в основе статьи (Jakobsen, 2009), где выявлено, что нордические страны играют значительную роль в формировании политики безопасности в Европе благодаря умению их представителей организовывать сотрудничество.

Страны Семерки опередили другие страны Запада в реализации общей тенденции развития — замещения механизмов конкуренции и власти механизмами сотрудничества. Представленные выше результаты дают все основания полагать, что именно коллаборативные преимущества обуславливают их лидерство по степени удовлетворенности жизнью их граждан. Семерка относится к скоординированным экономикам и консенсусным демократиям — группам стран, где роль сотрудничества в соответствующей сфере относительно выше, а роль конкуренции и власти не столь велика. Высокие уровни коллаборативности (стремления к сотрудничеству и умения сотрудничать) и гражданской культуры в целом обеспечивают эффективность систем принятия решений в этих странах, а значит, высокие уровни благосостояния.

¹⁷ На этот факт обращается внимание в статье (Лобанов, Глинкина, 2020).

¹⁸ См. <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-data/ODA-2019-detailed-summary.pdf>

Проведенный выше анализ подтверждает тезис о том, что механизмы конкуренции постепенно исчерпывают себя как основа организации современного западного общества.

США пока еще доминируют в сфере создания новых технологий, но по общему уровню социально-экономического развития все больше отстают от стран Семерки, которые гораздо меньше затронуты кризисом и активно ищут пути выхода из него.

Из лидера, указывавшего дорогу другим странам, каким были США после Второй мировой войны, они превратились в государство, стремящееся сохранить свое преимущество, препятствуя развитию других стран и тем самым способствуя усилению кризисных явлений в мире. Но все империи рано или поздно

распадаются. В случае США это будет означать отказ от намерения очередного президента «сделать Америку снова великой» любыми средствами. Из вышеприведенного анализа следует, что Европа, опираясь на опыт Семерки, могла бы стать новым лидером, который возглавил бы движение мирового сообщества к сотрудничеству. Убежден, что, несмотря на все препятствия, у России еще появится шанс заключить союз с Европой, и его нельзя упустить. Как совместить необходимость совершенствования конкурентных экономических и политических механизмов в сегодняшней России с перспективой последующего снижения их значимости – проблема, подлежащая тщательной разработке.

Надеюсь, что результаты настоящего исследования будут способствовать ее решению.

Литература

- Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Дж. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). Т. 9. № 1. С. 6–26.
- Лобанов М.М., Глинкина С.П. (2020). Разновидности капиталистических отношений в зарубежных странах с формирующимися рынками: проблемы типологизации и методологии исследования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 1. С. 7–26.
- Полтерович В.М. (2015). От социального либерализма – к философии сотрудничества // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 41–64.
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 5. С. 88–107.
- Полтерович В.М. (2018). К общей теории социально-экономического развития. Ч. 2. Эволюция механизмов координации // *Вопросы экономики*. № 12.
- Полтерович В.М. (2021a). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. Вып. 1. С. 52–72. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-52-72>
- Полтерович В.М. (2021b). Коллаборативные иерархии // *Вопросы экономики*. Вып. 7. С. 31–48.
- Полтерович В.М. (2022). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 1. Семерка европейских лидеров // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 15. № 2. С. 31–43. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.2>
- Суслов В.И., Басарева В.Г. (2020). Экономическое развитие и государственная политика: Скандинавия и Сибирь // *Интерэкспо Гео-Сибирь*, Т. 3. № 1. С. 209–218.
- Aerts R. (2010). Civil society or democracy? A Dutch paradox. *BMGN-Low Countries Historical Review*, 125 (2–3), 209–236.
- Alouini O., Hubert P. (2012). Country size, economic performance and volatility. *Documents de Travail de l'OFCE*, 1–27.
- Amor-Esteban V., Galindo-Villardón M.P., García-Sánchez I.M. (2019). A multivariate proposal for a national corporate social responsibility practices index (NCSRPI) for international settings. *Social Indicators Research*, 143(2), 525–560.

- Avoyan E., Meijerink S. (2021). Cross-sector collaboration within Dutch flood risk governance: Historical analysis of external triggers. *International Journal of Water Resources Development*, 37(1), 24–47.
- Batory A., Svensson S. (2020). Regulating collaboration: The legal framework of collaborative governance in ten European countries. *International Journal of Public Administration*, 43(9), 780–789.
- Bohle D., Greskovits B. (2007). The State, internationalization, and capitalist diversity in Eastern Europe. *Competition and Change*, 11(2), 89–115.
- Brandenburger A.M., Nalebuff B.J. (1996). *Co-opetition*. New York: Doubleday.
- Brandt F., Konstantinos G. (2016). Shareholders vs stakeholders capitalism. *Comparative Corporate Governance and Financial Regulation*, 10. Available at: https://scholarship.law.upenn.edu/fisch_2016/10
- Daly M.C., Oswald A.J., Wilson D., Stephan W. (2011). Dark contrasts: The paradox of high rates of suicide in happy places. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 80(3), 435–442.
- Elgström O., Delputte S. (2016). An end to Nordic exceptionalism? Europeanisation and Nordic development policies. *European Politics and Society*, 17(1), 28–41. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/23745118.2015.1075765>
- Gjølberg M. (2009). Measuring the immeasurable? Constructing an index of CSR practices and performance in 20 countries. *Scandinavian Journal of Management*, 25(1), 10–22.
- Hall P.A., Gingerich D.W. (2009). Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis. *British Journal of Political Science*, 39(3), 449–482.
- Hall P.A., Soskice D. (2001). An introduction to varieties of capitalism. In: Hall P.A., Soskice D. (Eds.). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. New York: Oxford University Press.
- Hopmann D.N., Karlsen R. (2021). Elections and political communication in the Nordic countries. In: Skogerbø E., Ihlen Ø., Kristensen N.N., Nord L. (Eds.). *Power, Communication, and Politics in the Nordic Countries*. Göteborg: Nordicom. Available at: <https://doi.org/10.48335/9789188855299-11>
- Iqbal R., Todi P. (2015). The Nordic model: Existence, emergence and sustainability. *Procedia Economics and Finance*, 30, 336–351.
- Jakobsen P.V. (2009). Small states, big influence: The overlooked Nordic influence on the civilian ESDP. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 47(1), 81–102.
- Jäntti M., Saari J., Vartiainen J. (2006). *Growth and Equity in Finland. WIDER Discussion Paper 2006/06*. Helsinki: United Nations University, World Institute for Development Economics Research.
- Klenk T., Reiter R. (2019). Post-new public management: Reform ideas and their application in the field of social services. *International Review of Administrative Sciences*, 85(1), 3–10.
- Kübler D., Rochat P.E., Woo S.Y., van der Heiden N. (2020). Strengthen governability rather than deepen democracy: Why local governments introduce participatory governance. *International Review of Administrative Sciences*, 86(3), 409–426.
- Ladner A. (2005). Laymen and executives in Swiss local government. In: Berg R., Rao N. (Eds.). *Transforming Political Leadership in Local Government*. London: Palgrave Macmillan.
- Lei D., Slocum J.W., Pitts R.A. (1997). Building cooperative advantage: Managing strategic alliances to promote organizational learning. *Journal of World Business*, 32(3), 203–223.
- Lijphart A. (2012). *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. Second edition. New Haven: Yale University Press.
- Linder W., Mueller S. (2021). *Swiss Democracy. Possible Solutions to Conflict in Multicultural Societies*. Springer Nature, Switzerland.
- Long T. (2017). Small states, great power? Gaining influence through intrinsic, derivative, and collective power. *International Studies Review*, 19(2), 185–205.
- Martela F., Greve B., Rothstein B., Saari J. (2020). The Nordic exceptionalism: What explains why the Nordic countries are constantly among the happiest in the world. In: Helliwell J.F., Layard R., Sachs J.D., De Neve J.E. (Eds.). *World Happiness Report 2020*. New York: Sustainable Development Solutions Network.
- McLaughlin K., Osborne S., Ferlie E. (Eds.). (2002). *The New Public Management: Current Trends and Future Prospects*. London: Routledge.
- Pendergast P.M., Wadsworth T., Kubrin C.E. (2019). Suicide in happy places: Is there really a paradox? *Journal of Happiness Studies*, 20(1), 81–99.

- Pratt J. (2008). Scandinavian exceptionalism in an era of penal excess. Part I: The nature and roots of Scandinavian exceptionalism. *The British Journal of Criminology*, 48(2), 119–137.
- Rose A.K. (2006). Size really doesn't matter: In search of a national scale effect. *Journal of the Japanese and International Economies*, 20(4), 482–507.
- Rothstein B., Uslaner E. (2005). All for one. Equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58, 41–72.
- Ryggvik H. (2015). A short history of the Norwegian oil industry: From protected national champions to internationally competitive multinationals. *Business History Review*, 89(1), 3–41.
- Skouloudis A., Isaac D., Evaggelinos K. (2016). Revisiting the national corporate social responsibility index. *International Journal of Sustainable Development & World Ecology*, 23, 61–70.
- Soens T. (2013). Flood security in the Medieval and Early Modern North Sea Area: A question of entitlement? *Environment and History*, 19, 209–232.
- Strand R., Freeman R.E. (2015). Scandinavian cooperative advantage: The theory and practice of stakeholder engagement in Scandinavia. *Journal of Business Ethics*, 127(1), 65–85.
- Strand R., Freeman R.E., Hockerts K. (2015). Corporate social responsibility and sustainability in Scandinavia: An overview. *Journal of Business Ethics*, 127(1), 1–15.
- Sunde J. (2021). The history of Nordic legal culture and court culture: The story of what should not have been, but still came to be. In: Ervo L. et al. (Eds). *Rethinking Nordic courts*. Springer, Cham, Switzerland.
- Thijs N., Hammerschmid G., Palaric E. (2018). *A Comparative Overview of Public Administration Characteristics and Performance in the EU28*. Brussels: Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion under the Contract VC/2016/0492 “Support for developing better country knowledge on public administration and institutional capacity building”.

Сведения об авторе

Виктор Меерович Полтерович – доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: polterov@semi.rssi.ru), заместитель директора, Московская школа экономики, МГУ им. М.В. Ломоносова (119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 61)

Polterovich V.M.

Competition, Collaboration, and Life Satisfaction Part 2. The Fundament of Leadership – Collaborative Advantage

Abstract. The first part of the paper showed that the group of seven European countries leading in the life satisfaction index (happiness index) significantly outperformed other Western nations, including the United States, in the development of economic and political institutions. The Seven includes Denmark, Norway, Sweden, Finland, Iceland, Switzerland, and the Netherlands. The second part examines what qualitative features of socio-economic and political mechanisms provide leadership. It is noted that attempts to explain this phenomenon by the low size of population and its homogeneity, as well as by the small area of these countries, are inadequate. The notion of collaborative advantages is introduced, understood as relatively more developed mechanisms of collaboration in the economic, social and political spheres. Based on three different classifications of types of capitalism and on an analysis of the history of countries of the Seven we show that they have reached the leading positions due to collaborative advantages. These countries are coordinated market economies, their economic systems are characterized as stakeholder capitalism, and their political systems are consensus democracies. The Seven of European Leaders carry out reforms aimed at improving collaboration mechanisms and, as a consequence, are less affected by the crisis of competitive institutions observed in Western societies. The presented results support the hypothesis that the strengthening of the role of collaboration mechanisms while reducing

the importance of competitive mechanisms contributes to higher life satisfaction. The experience of the Seven is used by other developed European countries as well. The question of how our findings can be used in choosing a catching-up strategy is discussed.

Key words: coordinated market economies, stakeholder capitalism, consensus democracies, collaboration, Nordicization, reforms, catching-up development.

Information about the Author

Victor M. Polterovich – Doctor of Sciences (Economics), Professor, RAS Academician, head of scientific field, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: polterov@cemi.rssi.ru), deputy director, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory, building 61, Moscow, 119234, Russian Federation)

Статья поступила 09.03.2022.